

АРТУР ШОПЕНГАУЭР

Мысли

ПАЛ Ы МИ РА
ТЪ ИЗДАТЕЛЬСКІЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 4

УДК 17
ББК 87.70
Ш79

Перевел с немецкого Ф. В. Черниговец

Шопенгауэр А.

Ш79 Мысли / Артур Шопенгауэр ; [пер. с нем. Ф. Черниговца]. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2024. — 187 с. — (Серия «Пальмира — классика»).

ISBN 978-5-517-10861-6

Настоящий сборник составляют отдельные главы второго тома сборника «Parerga und Paralipomena» («Дополнения и пропуски», 1851) выдающегося немецкого философа Артура Шопенгауэра (1788–1860). Это систематически изложенные размышления о разного рода предметах: о физиономике — искусстве определять внутреннюю сущность человека по его лицу — и женщинах, об учености и ученых, о преимуществе собственной мысли над мыслью чужой, вычитанной, о гении, его славе, критике и одобрении его творчества, а также о страдании как о ближайшей и непосредственной цели человеческого существования.

УДК 17
ББК 87.70

ISBN 978-5-517-10861-6

© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии»,
ООО Группа компаний «РИПОЛ классик», 2024

О ФИЗИОНОМИКЕ

Что на внешности изображается и отражается внутреннее содержание, а лицо высказывает и раскрывает внутреннюю сущность человека, — это такое предположение, которого априорность, а вместе с тем и надежность обнаруживается при всяком случае в общей жажде видеть человека, который выделился чем-либо дурным или хорошим или отличился замечательным произведением; а если не представляется случая видеть, то по крайней мере узнать от других, каков он из себя по виду и наружности. Это ведет, с одной стороны, к скоплению публики к тем пунктам, где ожидается прибытие такого человека, а с другой — к стремлению газет, особенно английских, дать публике быстрое и точное описание его наружности, пока художник и гравер не покажут нам его воочию. Изобретение Дагерра оттого так высоко и ценится, что самым совершенным образом удовлетворяет этой потребности. Равным образом

и в обыденной жизни всякого подвернувшегося нам человека мы подвергаем физиономическому наблюдению, стараясь тихомолком по чертам его лица предугадать его нравственную и умственную сущность. На основании всего этого дело представляется не совсем так, как полагают некоторые глупцы, воображая, что вид и наружность человека не имеют никакого значения, потому-де, что душа сама по себе, а тело само по себе и имеет к первой такое же отношение, какое к нему самому имеет носимое им платье.

Скорее всего человеческое лицо есть иероглиф, который не только допускает дешифрирование, но и готовая азбука для которого имеется в нас самих. Лицо человека говорит даже больше и более интересные вещи, чем его уста, ибо оно представляет компендиум всего того, что он когда-либо скажет, будучи монограммой всех мыслей и стремлений этого человека. Уста высказывают опять-таки только мысль человека, лицо — мысль природы. Поэтому всякий заслуживает того, чтобы его внимательно рассматривали, но не всякий стоит того, чтобы с ним разговаривать. Если как отдельная мысль природы всякий индивидуум достоин внимания и наблюдения, то в высшей степени заслуживает того же красота, ибо она есть высшая и более обобщенная мысль природы, — она представляет идею породы, вида (*species*). Поэтому-то она

так могущественно и приковывает наш взгляд и внимание. Она есть основная и главная мысль природы, тогда как индивидуум — только побочная, придаточная мысль.

Все безмолвно исходят из того положения, что всякий таков, каков он по виду и наружности, и положение это также справедливо; но трудность заключается в разгадывании, способность к которому частью врожденная, частью приобретается опытом; но вполне ею никто не владеет, даже самые опытные могут еще впасть в заблуждение; и, однако же, лицо (физиономия) не лжет, что бы там ни говорил Фигаро, хотя мы часто читаем не то, что на нем написано. Во всяком случае дешифрирование лица есть великое и трудное искусство. Принципы его не усваиваются *in abstracto* (отвлеченным путем). Первое условие для этого — рассматривать наблюдаемого человека *чисто объективным* взглядом, что не так-то легко. Коль скоро именно примешался малейший след антипатии, или симпатии, или страха, или надежды, или мысль о том, какое впечатление произвели мы сами, — короче, как скоро примешалось что-либо субъективное (личное), иероглиф становится сбивчивым и неточным. Как звуки какого-либо языка слышит явственно только тот, кто их не понимает (ибо в противном случае означаемое немедленно вытесняет из сознания знак), так точно и физиономию какого-либо человека видит

только тот, кто ему еще совершенно чужд, т. е. кто еще не пригляделся к его лицу во время нескольких встреч или же разговорах с ним. Поэтому чисто объективное впечатление какого-либо лица, а вместе с тем и возможность его дешифрирования, строго говоря, получается только при первом на него взгляде. Как запах производит на нас впечатление только при своем появлении, а вкус вина ощущается только за первым стаканом, точно так же и лица производят свое первое впечатление только при первой встрече. Поэтому ей следует посвящать самое тщательное внимание: следует заметить себе первое впечатление, а для людей, имеющих для нас личное значение, даже и записать, если именно хотим верить своему физиономическому чувству и суждению. Дальнейшее знакомство, обхождение изглаживают это впечатление, но обстоятельства когда-нибудь впоследствии подтвердят его.

Между тем мы не хотим скрывать от себя, что это первое лицезрение бывает большею частью в высшей степени неприятно: так мало путно и состоятельно большинство! За исключением красивых, добродушных и интеллигентных лиц, т. е. чрезвычайно немногих и редких, — я полагаю, что у чувствительных особ всякое новое лицо большею частью должно вызывать родственное со страхом чувство, представляя неприятное в новых и неожиданных сочетаниях. И действительно, почти всегда это бывает жа-

лостное, прискорбное лицезрение. Попадаются даже такие люди, на лице которых отпечатана такая наивная пошлость и низость образа мыслей и такая животная ограниченность рассудка, что просто удивляешься, как они рискуют выходить с такою физиономиею и не надевают маски. Бывают даже лица, от простого лицезрения которых чувствуешь себя оскверненным. Поэтому нельзя осуждать тех, кому привилегированное положение позволяет жить в такой обстановке и уединении, в которой они вполне избавлены от мучительного чувства «видеть новые лица».

При метафизическом объяснении этого обстоятельства следует принять в соображение, что индивидуальность каждого человека есть именно то отрицательное, от чего он посредством собственного существования должен быть устранен и исправлен. Если же довольствоваться психологическим объяснением, то, спрашивается, каких же ожидать физиономий у тех, внутри которых во всю их долгую жизнь чрезвычайно редко всплывало что-либо иное, кроме мелочных, низких, жалких мыслей и пошлых, своекорыстных, завистливых, гадких и злостных желаний. Каждая из этих мыслей и желаний на время своего присутствия налагала на лицо свое выражение: все эти следы, вследствие многих повторений, глубоко врезались с течением времени и, как говорится, натерли свой путь на

физиономии. Потому-то большинство людей таковы по своему внешнему виду, что ужасаешься при первом на них взгляде и только малопомалу привыкаешь к их лицу, т. е. так притупляешься к производимому ими впечатлению, что оно более не действует.

Но этот же медленный процесс образования постоянного выражения физиономии путем бесчисленных мимолетных характеристических напряжений лица служит также причиною, почему интеллигентные, осмысленные лица становятся таковыми только постепенно и даже только под старость приобретают свое высшее выражение, тогда как на портретах из их юности намечены только первые следы его. Напротив того, только что сказанное нами насчет первого страха согласуется с вышеприведенным замечанием, что лицо производит свое настоящее и полное впечатление только в первый раз. Чтобы совершенно объективно и неподдельно (беспримесно) воспринять это впечатление, мы не должны находиться ни в каких отношениях к человеку, а если возможно, то и не говорить с ним. Всякий разговор уже некоторым образом сближает и устанавливает известное обоюдное *субъективное* отношение, от которого тотчас же пострадает объективность восприятия. Так как к тому же каждый старается возбудить уважение или приязнь, то наблюдаемый тотчас же пустит в ход всякие усвоенные уже им уловки